

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1912.
(Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg).

И. А. Орбели.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

○

КОММАНДИРОВКѢ ВЪ АЗИАТСКУЮ ТУРЦІЮ

въ 1911—1912 гг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лнн., № 12.

1912.

Ар ✓

309

3 (Ар)

0-636

17 9 99

Предварительный отчетъ о командировкѣ въ
Азіатскую Турцію въ 1911—1912 гг.

Г. А. Орбели.

(Представлено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 3 октября 1912 г.).

1 июля 1911 года я выѣхалъ изъ Батума въ Константинополь, гдѣ долженъ былъ ознакомиться съ рукописями, найденными гр. Soden'омъ въ Дамаскѣ, и, одновременно, получить въ Императорскомъ Россійскомъ Посольствѣ открытый листъ отъ турецкаго правительства. Открытый листъ оказался отправленнымъ въ Петербургъ, а въ отношеніи рукописей ни до моего приѣзда, ни во время моего пребыванія въ Константинополѣ Посольствомъ не было сдѣлано ничего для исходатайствованія разрѣшенія записаться этими рукописями. Прождавъ около недѣли и потерявъ надежду на помощь Посольства, я обратился лично въ турецкое министерство народного просвѣщенія и немедленно, уже на слѣдующій день, получилъ разрѣшеніе пользоваться фотографіями рукописей, хранящимися въ библиотекѣ Оттоманскаго Музея (подлинники отосланы въ Дамаскъ); разрѣшеніе было получено мною въ четвергъ и было использовано въ тотъ же день: по пятницамъ Музей закрытъ, а въ субботу я долженъ былъ уже выѣхать, ограничившись бѣглымъ осмотромъ рукописей, такъ какъ не имѣлъ никакой возможности отложить свой отъѣздъ.

Изъ Константинополя я отправился въ Ванъ черезъ Трапезундъ, Байбуртъ и Эрзерумъ. Не доѣзжая до Байбурта я осмотрѣлъ и описалъ раз-

И. А. И. 1912.

— 917 —

64*

309-99

(11596-50)

вашины въ сел. Варзаһанъ, гдѣ имѣется церковь, довольно необычная по плану; въ Байбуртѣ, сдѣлавъ остановку, описалъ его цитадель, заинтересовавшую меня нѣкоторыми особенностями, напоминающими Анн, и сдѣлалъ 12 фотографій, по которымъ могутъ быть прочитаны 8 надписей, находящихся на башняхъ цитадели. Воспользовавшись пребываніемъ въ Эрзерумѣ, я осмотрѣлъ служащее теперь военнымъ складомъ древнее медресе Чюфт-Минаре (XIII в.) и сдѣлалъ 11 фотографій этого прекраснаго памятника, богатой рѣзьбы, украшающей его, и расположенныхъ близъ него мусульманскихъ усыпальницъ съ коническими куполами.

Изъ Эрзерума я отправился въ Адельджевазъ, гдѣ осматривалъ цитадель и городскія стѣны и сдѣлалъ 11 снимковъ съ цитадели, частей стѣнъ, между прочимъ съ трехъ надписей, и мечети.

Въ городъ Вапъ я прибылъ 14 августа.

Работы въ Ванскомъ вилаетѣ шли въ трехъ направленіяхъ: по лингвистикѣ, точнѣе — діалектологіи, археологіи и отчасти, этнографіи.

Занятія діалектологіей, если не считать мелкихъ записей, дѣлавшихся мною мимоходомъ во все время пребыванія въ Турціи, происходили исключительно въ изолированной отовсюду области Мокъ (Моксъ, Мукысь, Мокюсь), въ которую я совершилъ двѣ поѣздки — осенью 1911 г. и весной 1912 г.

Предметомъ занятій въ Мокѣ въ первую поѣздку, продолжавшуюся пять недѣль, было изученіе мѣстнаго армянскаго нарѣчія.

Собранъ былъ новый матеріалъ, среди котораго наиболѣе важнымъ является спеціальныи діалектическій словарь нарѣчія. Словарь составлялся путемъ опроса цѣлой группы лицъ, въ общемъ человекъ около 20, приглашенныхъ мною помогать мнѣ въ изученіи ихъ языка. Всѣ эти лица происходили изъ различныхъ кварталовъ главнаго селенія, или города Мукысь. Въ словарь вошли всѣ слова и выраженія домашняго обихода, касающіяся полевыхъ работъ, ремеслъ, названія животныхъ, растений, — словомъ, всего, что можно было наблюсти вокругъ себя. Были приложены всѣ старанія къ тому, чтобы по возможности не упустить ни одного слова или выраженія; въ этомъ отношеніи цѣнную услугу мнѣ оказали дѣти, смотрѣвшія на мою работу, какъ на забаву для себя, и поминутно прибѣгавшія спросить, записалъ ли я то или иное слово, или нѣтъ. Въ словарь мною вносились исключительно слова, употребляемыя коренными жителями Мока, по возможности — не совершавшими путешествій и не покидавшими родной территоріи. Слова литературнаго происхожденія вовсе не записывались. Изъ боязни внести въ свои матеріалы формы литературныя я совершенно исключилъ изъ программы опросъ моихъ учителей по печатному словарю. По окон-

чаніи этихъ записей я приступилъ къ сводкѣ намѣченнаго попутно грамматическаго матеріала, составивъ при помощи своихъ учителей, въ большинствѣ — неграмотныхъ, спеціальныя таблицы склоненій свыше ста именъ и полныя парадигмы спряженія сорока съ лишнимъ глаголовъ.

Получившійся такимъ образомъ запасъ матеріала, собранный въ городѣ Мукьсь, предстояло пополнить данными о говорахъ остальныхъ селеній. Эта задача оказалась значительно болѣе трудной: жители мокскихъ деревушекъ привыкли къ постояннымъ издѣвательствамъ «горожанъ» Мукьсы надъ ихъ языкомъ и, боясь, что моя работа имѣютъ цѣлью то же издѣвательство, со второго слова отказывались бесѣдовать со мною, если я буду записывать ихъ слова; но все же удалось записать достаточно для характеристики каждаго изъ говоровъ, группирующихся по боковымъ ущельямъ области Мокъ.

Изученіе живого мокскаго нарѣчія убѣдило меня, что все изданное въ качествѣ мокскихъ записей имѣетъ очень мало общаго съ мокскимъ нарѣчіемъ и въ отношеніи лексики, перегруженной словами, чуждыми Моку, и въ морфологій и въ фонетикѣ. Ни одна изъ принятыхъ въ изданіяхъ транскрипцій не соотвѣтствуетъ необычайно богатымъ мокскимъ звукамъ и не покрываетъ ихъ, вслѣдствіе чего для моихъ записей пришлось выработать новую транскрипцію. Для показанія разницы между дѣйствительнымъ мокскимъ нарѣчіемъ и тѣмъ, что имѣется подъ этимъ названіемъ въ литературѣ, достаточно сказать, что, детально изучивъ всѣ печатные матеріалы по мокскому нарѣчію, я первое время по прибытіи въ Мокъ не понималъ ни одной фразы.

За время первой поѣздки моей въ Мокъ я успѣлъ записать очень мало текстовъ — только одну-двѣ пѣсни. Кромѣ того, я произвелъ записи при помощи имѣвшагося у меня фонографа, наполнивъ около 35 валиковъ; записывались армянскія пѣсни, армянскія же былины и сказки; въ виду того, что армянская пѣсня почти совершенно вытѣснена въ Мокѣ курдскою, а также изъ спеціальнаго интереса къ курдскому, записывались и курдскія пѣсни.

Удивительное совпаденіе въ характерѣ и манерѣ произношенія различныхъ звуковъ въ армянскомъ и курдскомъ, а также наличность значительнаго числа курдскихъ словъ и выраженій въ армянскомъ убѣдили меня, уже во время первой поѣздки въ Мокъ, въ необходимости до возвращенія въ Россію ознакомиться съ мокскимъ нарѣчіемъ курдскаго языка, безъ чего описаніе мокскаго армянскаго было бы далеко не полно. Съ этой цѣлью я письменно просилъ академика Н. Я. Марра о высылкѣ мнѣ соотвѣт-

ственной литературы, а въ ожиданіи полученія книгъ занялся въ Ванѣ разборомъ собранныхъ въ Мокѣ матеріаловъ по армянскому. Закончивъ эту часть работы, приступилъ къ всестороннему пересмотру печатныхъ изданій по мокскому армянскому, имѣя въ виду по возвращеніи въ Мокъ исправить всѣ изданные тексты согласно съ живой рѣчью, но отъ этого во время второй поѣздки въ Мокъ пришлось отказаться: эта работа оказалась совершенно непроезжей и отняла бы слишкомъ много времени, такъ какъ многіе тексты пришлось бы совершенно переписать, привести въ неузнаваемый видъ.

Параллельно съ этими занятіями въ Ванѣ я сталъ готовиться къ изученію мокскаго курдскаго, знакомясь вообще съ курдскимъ, до тѣхъ поръ мнѣ совсѣмъ неизвѣстнымъ, по трудамъ F. Justi, A. Жабы (въ изданіяхъ F. Justi и P. Lerch'a), Socin'a и Pryn'a, Егиазарова и др.

Вторая поѣздка въ Мокъ, продолжавшаяся почти вдвое дольше первой, предпринята была весной, какъ только открылась пѣшеходная дорога черезъ горы.

Въ этотъ разъ были провѣрены и пополнены мои старыя записки, а затѣмъ было собрано нѣсколько текстовъ, преимущественно — пословицъ, загадокъ и анекдотовъ, разсказываемыхъ жителями одной деревни о жителяхъ другой; впрочемъ, были записаны и двѣ-три сказки, а также два варианта излюбленной въ Мокѣ исторіи о двухъ мастерахъ-ворахъ, крайне интересные своими совпаденіями съ мингрельскимъ изводомъ этой знаменитой ходячей легенды о царской сокровищницѣ. Это собраніе текстовъ можетъ составить болѣе трехъ печатныхъ листовъ. Послѣ сдѣланныхъ пополненій въ моемъ словарѣ мокскаго армянскаго нарѣчія должно быть не менѣе 4500 словъ.

По окончаніи занятій армянскимъ я приступилъ къ изученію курдскаго при помощи нѣсколькихъ лицъ, главнымъ изъ которыхъ и наиболѣе мнѣ полезнымъ былъ старикъ Али-ага, сынъ Исыфъ-аги. Али-ага въ совершенствѣ владѣетъ мѣстнымъ армянскимъ нарѣчьемъ, что давало мнѣ возможность почерпнуть нужныя свѣдѣнія въ непосредственной бесѣдѣ, безъ помощи переводчиковъ; послѣднее обстоятельство должно было способствовать точности перевода словъ, чего недостаетъ, какъ я убѣдился, нѣкоторымъ изъ имѣющихся изданій.

Прежде всего былъ переведенъ на курдскій языкъ весь мой армянскій мокскій словарь. Затѣмъ былъ провѣренъ отъ перваго до послѣдняго слова весь словарь Жабы-Justi и словарь Егиазарова. Полной провѣркѣ подверглись всѣ списки словъ, помѣщенныхъ группами въ грамматикѣ

F. Justi. Всѣ недостающія въ изданіяхъ слова вносились въ мои записки, а пмѣющіяся въ изданіяхъ, но отсутствующія въ мокомъ нарѣчїи, были вычеркнуты. Такимъ образомъ, составился словарь, заключающій, вѣроятно, не менѣе 5000 словъ. Затѣмъ былъ провѣренъ собранный у F. Justi чисто грамматическій морфологическій матеріалъ, и были заново составлены парадигмы спряженія всѣхъ глаголовъ, встрѣчающихся въ моемъ словарѣ. Собранные курдскіе матеріалы были тамъ же на мѣстѣ приведены въ порядокъ, а затѣмъ все изждавшееся въ повторной провѣркѣ было просмотрѣно въ Ванѣ совмѣстно съ гостившимъ у меня Али-агой.

Подъ конецъ своихъ занятій мнѣ удалось настолько овладѣть курдскимъ, что я свободно понималъ моксу ю курдскую рѣчь, когда она велась болѣе или менѣе медленно.

За недостаткомъ времени въ Мокѣ мнѣ не удалось пополнить мои записи курдскими текстами; записано лишь около 15 пѣсенъ въ поясненіе къ фонографнымъ валикамъ. За вторую поѣздку при помощи фонографа было заполнено около 40 валиковъ.

Въ Мокѣ же была сдѣлана еще одна маленькая работа, относящаяся и къ лингвистикѣ и къ этнографіи: записаны слова условнаго языка армянь шерстобитовъ и валяльщиковъ. Записанные слова (около 200), которыя приходилось собирать по одному, урывками, кажется, составляютъ значительную часть небогатаго словаря шерстобитовъ. Эта работа существенно исправляетъ и пополняетъ записи покойнаго С. Айкуни.

Укажу тутъ же, что въ Мокѣ я описалъ всѣ его немногочисленные археологическіе памятники, списалъ пмѣющіяся надписи (въ монастыряхъ Суробъ Карапетъ, Аменапркичъ, гдѣ показываютъ могилу волхва Гаспара, п пр.), снявъ при этомъ необходимыя фотографіи, между прочимъ и съ очень характерныхъ крестныхъ камней.

Въ Мокѣ же, кромѣ діалектологическихъ и археологическихъ, мнѣ удалось собрать еще кое-какіе матеріалы для описанія области Мокъ; помимо путевыхъ маршрутовъ, у меня есть и статистическія данныя о количествѣ жителей и т. п., исправляющія многіе недочеты въ пмѣющихся въ печати свѣдѣніяхъ. Для меня лично много интереснаго и цѣннаго я могъ почерпнуть изъ разговоровъ съ мѣстнымъ мудиромъ Муртулла-беемъ (Муртулла беемъ), у котораго въ домѣ я жилъ во время первой поѣздки, и отъ котораго я узналъ много важнаго для характеристики мѣстнаго населенія, взаимоотношеній между армянами и курдами и между различными курдскими племенами.

Живя три мѣсяца исключительно въ средѣ туземцевъ—армянь и кур-

довъ (турокъ въ Мокѣ— всего два-три человекѣка) ихъ повседневной жизнью, я имѣлъ возможность дѣлать наблюденія надъ ихъ образомъ жизни, привычками, занятіями, характеромъ, обычаями. Для пополненія этнографическаго матеріала я снялъ въ Мокѣ нѣсколько фотографій; вмѣстѣ со снимками видовъ этой области и ея археологическихъ памятниковъ число ихъ превышаетъ 40 штукъ.

По этнографіи армянгъ мною было сдѣлано много замѣтокъ и во время пребыванія въ г. Ванѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ.

Главный предметъ моихъ занятій въ области Мокъ составляла археологія, изученіе памятниковъ какъ христіанскихъ, такъ и древнѣйшихъ, связанныхъ съ клинообразными надписями ванской системы.

Мнѣ удалось ознакомиться съ древностями урартійской эпохи въ шести мѣстахъ и въ дополненіе къ ихъ описанію сдѣлать свыше 30 фотографій. Эти памятники расположены въ самомъ г. Ванѣ и не далѣе, какъ въ 6 часахъ пути отъ него.

Наибольшее вниманіе было удѣлено древностямъ такъ называемой Тофрахъ-калы близъ Вана, почти въ чертѣ его Айгестана (Города Садовъ). Неоднократныя посѣщенія мною этого мѣста, уже хорошо извѣстнаго въ наукѣ, благодаря находкамъ англійскаго консула капитана Clayton'a, H. Rassam'a, экспедиціи Belck'a и Lehmann'a и др., и фактъ находженія мною на самой поверхности земли обломка плиты съ клинообразной надписью (правда, очень маленькаго), убѣдили меня въ необходимости произвести попытку археологической развѣдки. На желательность этого указывали и попадающіеся у нѣкоторыхъ жителей Вана предметы съ Тофрахъ-калы. Не имѣя спеціальнаго разрѣшенія турецкаго правительства на производство развѣдокъ или раскопокъ, я вынужденъ былъ вести это дѣло въ очень небольшихъ размѣрахъ, прибѣгнувъ къ помощи осаждавшихъ меня мѣстныхъ раскопщиковъ, бывшихъ рабочихъ экспедиціи Belck'a и Lehmann'a.

Развѣдка велась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, особенно на склонѣ, обращенномъ къ горѣ Варагъ, противъ казармы, тамъ, гдѣ по увѣренію рабочихъ не рылъ Belck. Наблюденіе за раскопками сопряжено было съ большими неудобствами; тѣмъ не менѣе, несмотря на полную возможность хищенія предметовъ, благодаря «премиямъ» за находки, я получилъ изъ этихъ развѣдокъ нѣсколько мелкихъ предметовъ, между прочимъ— обломки гравированной на камнѣ выдающейся по значенію группы изъ быковъ и нѣсколькихъ деревьевъ въ рамкѣ геометрическаго рисунка.

Менѣе интересной въ смыслѣ возможныхъ находокъ оказалась Ванская цитадель, наилучше сохранившая великолѣпныя стѣны времени клипо-

образныхъ надписей. Обширныя пещеры цитадели нуждаются въ специальномъ детальномъ изученіи при условіи производства раскопокъ.

Была совершена поѣздка въ селеніе Аснацаментъ, или Аствацашентъ, близъ котораго на горѣ Боддагъ находятся развалины крѣпости, по конструкціи и по всѣмъ особенностямъ несомнѣнно относящейся къ эпохѣ ванскихъ клинообразныхъ надписей и извѣстной среди мѣстнаго населенія подъ названіемъ ААйкабердъ, т. е. Крѣпость ААйка. Убѣжденіе мое въ глубокой древности этого памятника подтвердилось и тѣмъ немногочисленными предметами древности, которые мнѣ удалось купить у мѣстныхъ сельчанъ, армянъ и курдовъ, а именно бронзовыми наконечниками стрѣлъ, бусами и печатями, между прочимъ—и цилиндрами. На Боддагѣ же найдена и купленная мною часть брони, относящаяся къ позднѣйшему времени, вѣроятно къ мусульманскому средневѣковью, когда несомнѣнно была жизнь въ одной части ААйкаберда.

Кромѣ этихъ трехъ главныхъ пунктовъ я ознакомился и съ другими тремя памятниками того же времени, во всѣхъ трехъ случаяхъ, вѣроятно, замками или крѣпостями; они находятся близъ озера Арчакъ, въ Артамедѣ (или Адрамидѣ), на берегу Ванскаго озера и въ Дзевестанѣ, близъ Артамеда.

Помимо памятниковъ этой отдаленной эпохи, Ванскій вилаегъ не очень богатъ въ археологическомъ отношеніи.

Исключительный интересъ можетъ представлять лишь дѣйствительно выдающійся памятникъ — церковь св. Креста въ Агтамарскомъ монастырѣ на островкѣ Агтамаръ, на Ванскомъ озерѣ. Этотъ храмъ, сооруженный въ X вѣкѣ Гагикомъ Арцруниемъ и сохранившійся въ удивительно хорошемъ состояніи, достаточно извѣстенъ въ наукѣ, главнымъ образомъ барельефами, украшающими его фасадъ, чтобы не останавливаться сейчасъ на его значеніи. Ограничусь указаніемъ, что мною впервые составлено подробное описаніе всего этого храма, съ упоминаніемъ каждой рельефной фигуры и всѣхъ отдѣльныхъ сценъ, влетенныхъ въ общую композицію богатѣйшаго фриза. Снять возможно точный планъ, произведены обмѣры нѣкоторыхъ высотъ и сдѣланы фотографіи, изображающія всѣ детали храма.

Въ Агтамарѣ же мною было списано болѣе 40 надписей, преимущественно надгробныхъ, хотя есть и чрезвычайно важныя для исторіи храма; одна изъ нихъ говоритъ о возобновленіи купола, что должно быть поставлено въ связь съ вопросомъ о первоначальной формѣ купола. Были описаны и сфотографированы также и надгробныя крестныя камни, среди которыхъ

есть очень интересные для исторіи этого рода памятниковъ. Всего въ Агтамарѣ мною снято около 45 фотографій.

Въ библіотекѣ Агтамарскаго монастыря удалось использовать большой пергаментный свитокъ-сподикъ, трактующій, быть можетъ, со словъ историка Оомы Арцруніа, о построении храма и содержащій поминальные записи различныхъ агтамарскихъ дѣятелей и жертвователей на монастырь.

Я располагаю также планомъ всего острова, любезно снятымъ по моей просьбѣ англійскимъ вице-консуломъ въ Ванѣ капитаномъ Л. Молинюксомъ Силъ (L. Molyneux Seel); планъ этотъ, снятый (не инструментально) въ масштабѣ 100 метровъ въ 1 дюймѣ, можетъ быть весьма полезенъ при обсужденіи вопроса объ Агтамарѣ-городѣ.

Кромѣ Агтамара въ окрестностяхъ г. Вана мною были осмотрѣны монастыри Сурбъ Григоръ, Сурбъ Хачъ, Кармирворъ и др., въ которыхъ однако же не нашлось ничего, заслуживающаго спеціальнаго изученія.

Болѣе интереснымъ для меня оказался Варагскій монастырь св. Креста, не столь древній въ тѣхъ частяхъ, которыя считаются древнѣйшими, но сохранившій одну церковь, восходящую, быть можетъ даже къ VII в. Монастырь этотъ былъ описанъ, между прочимъ списаны надписи, изъ коихъ три X и XI вв., и было снято 10 фотографій. Меня заинтересовало и собраніе рукописей этого монастыря, съ нѣкоторыми изъ которыхъ я успѣлъ ознакомиться, не встрѣтивъ, однако же, въ обследованныхъ рукописяхъ чего-либо выдающагося или новаго.

Свои работы въ Ванскомъ вилаетѣ я закончилъ поѣздкой въ Ктуцскую пустынь, которая была мною описана и сфотографирована.

Сейчасъ же послѣ этого, 3 іюля 1912 года, я выѣхалъ окончательно изъ Вана на Баязидъ и Орговъ и 8 іюля былъ уже въ предѣлахъ Россіи.

Последнія двѣ подлежащія еще упоминанію археологическія работы были произведены мною лишь черезъ 1½ мѣсяца послѣ возвращенія изъ Турціи. Убѣдившись въ невозможности выполнить по пути въ Россію одинъ изъ наиболѣе важныхъ пунктовъ докладной записки академика Н. Я. Марра о командированіи меня въ Ванъ, касательно надписи VII в. въ монастырѣ св. Іоанна Крестителя, я предпринялъ спеціальную поѣздку въ Баязидъ и Діадинъ, близъ котораго находится означенный монастырь.

Временемъ, проведеннымъ въ Россіи, я воспользовался, чтобы ходатайствовать о разрѣшеніи фотографировать внутри и снаружи Баязидскую цитадель, гдѣ при первомъ посѣщеніи Баязида я осматривалъ остатки роскошнаго мусульманскаго замка, украшеннаго богатой рѣзьбой по камню, относящейся, какъ мнѣ кажется, къ XIV — XV вв.

Во время вторичнаго посѣщенія Баязида мною было сдѣлано около 30 фотографій какъ съ различныхъ частей цитадели, такъ и съ древнѣйшихъ языческихъ барельефовъ на скалѣ, недалеко отъ крѣпости.

Результатомъ поѣздки въ монастырь св. Иоанна Крестителя является точный списокъ пространной армянской надписи о построеніи храма съ двумя датами 631 г. и 640 (?) г. по Р. Х. Надпись эта снята по частямъ на десяти пластинкахъ. Кромѣ того, сняты еще 3 надписи (армянская, сирійская и арабская), и списаны еще 1 сирійская и 4 армянскихъ. Въ дополненіе къ этимъ матеріаламъ мною составлено описаніе этого драгоценнаго памятника начала VII вѣка и снять его планъ съ многочисленными и возможно точными обмѣрами; описаніе храма иллюстрируется 20 фотографіями храма и его различныхъ частей (независимо отъ перечисленныхъ выше).

Всего мною привезено изъ Турціи около 250 негативовъ и 62 фотографическихъ валика — 24 съ армянскими и 38 съ курдскими записями; остальные валики пострадали при перевозкѣ изъ Мока въ Ванъ и изъ Вана въ Россію. Всѣ эти предметы, а также упомянутыя выше археологическія находки будутъ представлены въ Академію по приведеніи ихъ въ порядокъ.

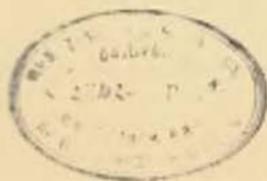
Привезенныя изъ Турціи мелкія окаменѣлости (36 экз.), собранныя мною частью близъ Ванскаго озера въ Адельджевазѣ, частью въ окрестностяхъ Баязида, я представилъ академику *Ө. Н. Чернышеву* и по его указанію сдать въ геологическій музей Академіи.

Во время моей продолжительной поѣздки мнѣ пришлось пользоваться любезнымъ гостепрѣимствомъ и помощью многихъ лицъ, облегчавшихъ мнѣ путешествіе или занятія и работы. Приношу имъ всеѣмъ свою глубокую благодарность, особенно Императорскому Россійскому Консулу въ Трапезундѣ *Г. В. Брандту*, секретарю того же Консульства *Б. С. Мусатову*, Императорскому Россійскому Генеральному Консулу въ Эрзерумѣ *А. Н. Штриттеру*, секретарю того же Генеральнаго Консульства *А. Н. Вышинскому* и Императорскому Россійскому Вице-Консулу въ Баязидѣ *К. К. Акмочу*, оказавшему мнѣ существенную помощь при работахъ въ Баязидѣ и Діадиѣ.

Глубоко благодаренъ командиру турецкаго 11 армейскаго корпуса генералу *Джабиръ-пашѣ* за его неизмѣнно любезное и предупредительное отношеніе ко мнѣ и помощь моей работѣ и *Мокскому курдскому бею*, высокопочтимаго *Муртулла бею*, сыну *Абдалъ бея*, изъ рода *Эйхамъ бея*, которому я во всѣхъ отношеніяхъ такъ многимъ былъ обязанъ во время пребыванія въ Мокѣ.

Капитана Л. Молинюксь Силъ и г-на С. Зажецкаго (S. Zazzecki), французскаго вице консула въ Варш, прошу принять мою глубокую благодарность за ихъ дружеское и благожелательное отношеніе ко мнѣ.

Сугубую благодарность долженъ принести Императорскому Россійскому Вице-Консулу въ Варш С. П. Олферьеву, гостепріимствомъ котораго я особенно долго пользовался, за его постоянное участие и искреннюю готовность притти на помощь во всемъ, въ чемъ только было возможно; безъ его содѣйствія работы мои значительно затруднились бы, а можетъ быть, и встрѣтили бы очень серіозныя препятствія.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наукъ.

Октябрь 1912 г.

Непрерывный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбург.*

